

ВОЛОКОЛАМСКИЙ ИНОК КАССИАН БОСОЙ (ок. 1439–1532 г.)
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ¹

25 августа 1530 г. у 51-летнего великого князя московского Василия III после почти двадцатилетнего бездетного брака, развода с первой женой и связанного с ним устранения митрополита Варлаама, после 4 лет бездетного брака с новой женой наконец родился сын — Иван, которому будет суждено сыграть ключевую роль в русской истории XVI в. Столь долгожданный наследник был крещен в Троицком монастыре его игуменом (позднее — митрополитом) Иоасафом (Скрипицыным); в восприемники от купели были избраны два старца — основатель Троицкого монастыря в Переяславле Даниил и волоколамский инок Кассиан Босой. Если крещение сына великого князя в Троице ее игуменом вполне естественно — сам Василий III в 1479 г. был крещен именно в этой обители, а причины выбора Даниила Переяславского в восприемники сыну уже рассматривались в историографии (известно, что великий князь часто посещал Переяславль и неоднократно встречался с Даниилом²), то выбор «рядового» волоколамского инок, пусть и принадлежащего к влиятельной в 20–30-е годы XVI в. группе «иосифлян», на первый взгляд несколько неожидан — ему отдали предпочтение перед митрополитом и десятками епископов и игуменов крупнейших русских монастырей³ (значительная часть их, так же как и Кассиан, была связана с Волоколамским монастырем). Сам факт этого выбора великого князя свидетельствует об исключительности фигуры Кассиана на фоне его современников. На это же указывает и беспрецедентное для средневековой Руси повеление великого князя волоколамским инокам составить письменный отчет о смерти своего «кума», к которому в своих посланиях Василий III обращался «господин наш». С чем может быть связан такой пиетет по отношению к этому старцу?

Поиски ответа на этот вопрос побуждают рассмотреть биографию Кассиана. Отсутствие работы, специально посвященной этому явно незаурядному человеку⁴, делает данную задачу необходимой, а наличие целого ряда пусть и отрывочных сведений о нем в источниках (часть из них уже упоминалась в литературе⁵) — выполнимой.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых — докторов наук (проект № МД–209.2012.6). Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить О. В. Гладкову, А. А. Горского, Д. Г. Давиденко, Е. Л. Конявскую, В. Д. Назарова, А. А. Романову, Л. А. Тимошину и С. З. Чернова за ценные замечания, использованные в ходе работы над данной статьей.

² Подробнее о биографии Даниила и его связях с великокняжеским двором см.: *Горикова В. В., Сукина Л. Б.* Даниил (Переяславский) // *Православная энциклопедия* (далее — ПЭ). М., 2006. Т. 14. С. 56–62; *Усачев А. С.* Начало возвышения Андрея-Афанасия и церковно-политическая ситуация в России первой половины XVI в. // *Вестник РГГУ*. 2012. № 4. С. 20–31.

³ Ивана III крестил троицкий игумен Зиновий; Василия III — троицкий игумен Паисий (Ярославов) и ростовский архиепископ Вассиан (Рыло); восприемником детей Ивана IV — сыновей Ивана и Федора, а также дочери Евдокии — являлся митрополит Макарий, а «священная деял» царский духовник благовещенский протопоп Андрей (см.: *ПСРА*. М., 2000. Т. 12. С. 40, 190; М., 2000. Т. 13. С. 239, 265, 283; М., 2004. Т. 23. С. 150).

⁴ В литературе специальное внимание было уделено лишь рассмотрению повествующего о Кассиане его Жития (см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 295–296; *Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусских житий святых. Варшава, 1902. С. 257–262; *Дмитриева Р. П.* Житие Кассиана Босого // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* (далее — СККДР). Л., 1988. Вып. 1. Ч. 1. С. 285–286; *Древнерусские патерики* (Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик). М., 1999. С. 337–339, 445–453; *Творогов О. В.* О «Своде древнерусских житий» // *Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика*. СПб., 2005. С. 35).

⁵ См., например: *Тихомиров М. Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. // *Исторические записки*. М., 1938. Т. 3. С. 131, 135; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 44, 91–92, 115–117, 124, 287, 309; *Его же.* Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в. // *Из истории феодальной России: статьи и очерки: к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина*. Л., 1978. С. 78; *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 236, 248; *Штайндорф Л.* Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2002. № 2 (8). С. 93, 98, табл.; *Dykstra T. E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006. P. 111, 132–132, 140, 142; *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. С. 19, 23, 27.

Источники

О Кассиане (в миру — Козьме) повествуется ряд источников, сведения которых в значительной степени дополняют друг друга. Основным источником является его Житие, составленное в середине XVI в. либо его учеником, известным волоколамским книжником Фотием (ум. 1554 г.)⁶, либо не менее известным писателем Вассианом Кошкой (ум. 1568 г.), учеником Фотия, волоколамским иноком, некоторое время бывшим архимандритом тверского Вотмицкого монастыря⁷. Вне зависимости от того, кто был автором Жития — Фотий или Вассиан Кошка, очевидно, что он был лично знаком с Кассианом⁸ и, соответственно, в качестве источника мог использовать рассказы этого старца.

Житие сохранилось в 3 волоколамских списках: ГИМ. Синодальное собр. № 927 (положен в основу публикации памятника⁹); РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 1257 (оба — третьей четверти XVI в.); несколько позднее в научный оборот бы введен список РГБ. Ф. 98 (Собр. Е. Е. Егорова). № 882 (вторая половина XVI в.)¹⁰. Как показала Е. В. Крушельницкая, список № 882, созданный несколько позднее списков № 927 и № 1257, отразил следы литературной переработки Жития, которая, впрочем, не затронула фактов биографии Кассиана¹¹. При написании Жития использовались: послание волоколамского игумена Нифонта (Кормилицына) Василию III, Житие Иосифа Волоцкого, написанное крутицким епископом Саввой Черным около 1545 г., и, вероятно, бытовавшие в Волоколамском монастыре рассказы самого Кассиана¹².

Кассиана также упоминают акты Волоколамского монастыря, летописи, так называемая анонимная редакция Жития Иосифа Волоцкого, написанная, возможно, сербским агиографом Львом Филологом в 10—20-е годы XVI в.¹³ Важные сведения о жизни Кассиана содержат созданные несколько позднее — в середине 50-х — начале 60-х годов XVI в. — Житие Даниила Переяславского и Степенная книга; оба памятника, по-видимому, писались учеником Даниила Переяславского благовещенским протопопом Андреем, который, судя по всему, использовал рассказы своего учителя, лично знавшего волоколамского старца¹⁴.

⁶ *Зимин А. А.* Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в. С. 78. Прим. 10; *Его же.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). С. 117. О Фотии и его книгописной деятельности подробнее см.: *Древнерусские патерики.* С. 223—226; *Дмитриева Р. П.* Фотий // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 484—486; *Баранкова Г. С.* Сочинения Кирилла Туровского в собрании Иосифо-Волоколамского монастыря // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2011. № 1 (43). С. 71—74.

⁷ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 295—296; *Дмитриева Р. П.* Житие Кассиана Босого. С. 285—286. Подробнее о Вассиане Кошке см.: *Дмитриева Р. П.* Вассиан Кошка // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 118—119; *Кузьмин А. В.* Вассиан Кошка // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 265—266.

⁸ На факт личного знакомства автора Жития Кассиана Босого с его героем указывает выполненный от первого лица рассказ о пожаре в Волоколамском монастыре, который явно носит автобиографический характер. Также агиограф специально оговаривает, что, создавая Житие Кассиана, он «о немже слышах прежде мене бывших, иное же своим очима видѣхъ» (см.: *Древнерусские патерики.* С. 213, 216—217).

⁹ *Древнерусские патерики.* С. 213—217.

¹⁰ *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе (Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартиния Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските): исследование и тексты. СПб., 1996. С. 62—63.

¹¹ Там же. С. 62. Прим. 29.

¹² Подробнее об источниках Жития см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 296; *Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусских житий святых. С. 261—262; *Дмитриева Р. П.* Житие Кассиана Босого. С. 285—286; *Древнерусские патерики.* С. 338, 448.

¹³ Гипотеза об авторстве Льва Филолога в отношении анонимной редакции Жития Иосифа Волоцкого нашла как своих сторонников, так и критиков (см.: *Лурье Я. С.* Житие Иосифа Волоцкого // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 274; *Дмитриева Р. П.* Лев Филолог // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 5.

¹⁴ Подробнее о датировке и авторстве этих памятников см.: Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чудеса его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г. — 15 июля 1908 г.) / Изд. проф. С. И. Смирнова. М., 1908. С. V—XV; *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 125—197, 362—465.

Происхождение и жизнь в миру

Повествуя о смерти Кассиана 11 февраля 1532 г., Житие сообщает о том, что ему было 93 года¹⁵, т. е. его рождение приходится на 1439 г. Впрочем, учитывая то, что Кассиан скончался в начале 1532 г., а Житие определенно указывает на то, что он прожил полных 93 года («бысть же всѣхъ лѣтъ от рожения его 90 и 3»), нельзя исключить того, что он мог появиться на свет и в 1438 г.

Согласно Житию, Козьма происходил из Переяславля, «от родителей православных». Возмужав («дошедъ съвершена возраста» и «бысть силою крѣпок и мужественъ»), он, судя по всему, поступил на службу к великому князю (этот источник указывает на то, что он «съводворяясь с живущими въ царской полате»). Без сомнения, подчеркивая и, возможно, несколько преувеличивая значимую роль Козьмы при дворе, агиограф повествует о том, что «его ради мужества, и крѣпости, и силы позна его и самодержецъ, князь велики Иванъ Васильевич всея Руси (Иван III. — А. У.), иже и научи его, самодержецъ, праволучно стрѣлы пуцати по знамени, и сего ради бысть от дрѣжавнаго в чести и въ брежении»¹⁶.

Определяя социальный статус Козьмы, обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, приведенное выше известие — единственное, относящееся к жизни Козьмы в миру — вполне однозначно указывает на факт его более или менее длительной военной службы великому князю с отроческого возраста (об этом ниже). Важно отметить, что он близок к юному княжичу — ему Козьма передает воинские навыки, которыми, естественно, владеет сам.

Во-вторых, большой интерес представляет одна деталь в Житии. Описывая начало жизни Кассиана в Волоколамском монастыре (в нем он поселился около 1480 г., после ухода из боровской обители), агиограф пишет, что он в аскетических целях «возложи на себя пансыр, под свитку на наго тѣло...»¹⁷. По-видимому, под словом «пансырь» скрывалась кольчуга (точнее, кольчатый панцирь, вес которого мог достигать 5—7 кг) — как отмечалось в специальной литературе, именно начиная с 70-х годов XV в. в источниках впервые начинает фиксироваться поименование кольчатой рубахи термином «панцирь»¹⁸. Хотя отдельные вклады оружия в монастыри известны, наиболее вероятным представляется появление тяжелого вооружения в Волоколамском монастыре, лишь недавно основанном, в составе личных вещей его первых насельников. Несомненный факт военной службы Козьмы дает основания полагать, что среди его личных вещей могли находиться и его доспехи, которые он принес сначала в Боровский монастырь, а потом и в Волоколамский. Если наше предположение о принадлежности «панциря» Козьме-Кассиану справедливо, то данную деталь можно рассматривать как косвенное свидетельство достаточно высокого статуса Козьмы (во всяком случае, в имущественном плане) — известно, что даже в XVI в. полный металлический доспех был редкостью и ценился очень высоко¹⁹. Подобные доспехи являлись достоянием лиц, составлявших главную ударную силу русских армий эпохи Средневековья — тяжеловооруженную конницу (так называемую «кованную рать», неоднократно упоминаемую в источниках XIV—XV в.). Определяя статус этих лиц, В. Д. Назаров отмечает: «конный воин-профессионал на Руси как бы в “рыцарском облачении” есть, прежде всего, служилый боярин на военной службе (и административной тоже) у владетельных князей (конечно, в число таких воинов могли включаться спорадически и слуги — при наличии

¹⁵ Древнерусские патерики. С. 216—217.

¹⁶ Там же. С. 213.

¹⁷ Там же. С. 214—215.

¹⁸ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976. С. 40—41. Также см.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. С. 16.

¹⁹ Назаров В. Д. Нереализованная возможность: существовало ли рыцарство на Руси в XIII—XV веках? // Одиссей. Человек в истории. 2004. Рыцарство: реальность и воображаемое. М., 2004. С. 117.

соответствующих возможностей)»²⁰ (последнее трудно отнести к лицу, обучавшему наследника престола воинскому делу).

Сказанное выше дает основания полагать, что, скорее всего, Козьма принадлежал к слою служилых людей, происходивших из Переяславской земли. В связь с этим поставим то, что служилые землевладельцы (Афанасьевы, Баскаковы, Воронины, Зубачевы, Зубовы, Клобуковы, Кроткие, Напольские, Петелины, Редриковы, Рябинины, Сватковы, Свеженины-Солонины, Скрипицыны, Фаустовы, Шараповы и др.) являлись самой многочисленной категорией среди вотчинников Переяславского уезда в XV–XVI в.²¹ Также отметим, что выходцы из тех же слоев (Санины, Топорковы, Полевы, Ступишины, Ракитины, Зворыкины, Ленковы) в конце XV – XVI в. играли ключевую роль в жизни Волоколамского монастыря, в котором Козьма-Кассиан позднее поселился²².

Учитывая возраст как Козьмы, так и Ивана III (р. 1440 г.), которого Козьма, согласно Житию, учил стрелять из лука, можно полагать, что он поступил на службу к великому князю (вероятно, еще к Василию II) не позднее начала 50-х годов XV в.²³ Знатные юноши в период Средневековья осваивали воинское ремесло в отрочестве — вероятно, в возрасте до 15 лет. Как известно, в этом возрасте на Руси в XVI в. недоросли уже переходили в категорию новиков и верстались на службу; в странах Западной Европы, по-видимому, пора дееспособности наступала в близкий период — взрослым знатный человек считался с 15 лет (с этого времени он мог являться свидетелем при сделках)²⁴. Косвенно на то, что военные навыки Иван III получил не позднее 15 лет (вероятно, в конце 40-х — начале 50-х годов XV в.), указывает обусловленное сложной династической ситуацией раннее вступление великого князя в активную военно-политическую деятельность: с конца 40-х годов XV в. он был провозглашен соправителем отца, с 1452 г. он уже принимает участие в военных походах, номинально возглавляя русское войско, в 1452 г. наследник престола вступил в брак²⁵. Упоминание об участии в обучении будущего великого князя воинскому искусству Козьмы, который лишь на 1–2 года был старше Ивана III, косвенно свидетельствует о том, что он уже в раннем возрасте участвовал в военных походах; на это же указывает и упоминание Жития о «мужестве», «крепости и силе» Козьмы.

Оценивая степень достоверности сообщения Жития о раннем периоде жизни Козьмы, отметим, что, как правило, «литературное» происхождение имели такие факты биографии, как рождение, приход в монастырь, постриг, явление чудотворного образа святому, основание монастыря, описание молитв, похвалы — именно соответствующие фрагменты и составляли основную часть «общих мест», которые сходным образом читались в десятках агиографических рассказов

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ См.: Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.: Переяславский уезд. М., 1966. С. 42–57.

²² См.: Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. С. 135–136; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). С. 112–122, 153–165; Чернов С. З. Волоч Ламский в XIV — первой половине XVI в.: структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 135–140, 172–182, 193–202; Dykstra T. E. Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. P. 120–135.

²³ Известно, что семья Василия II (включая его старшего сына) иногда подолгу находилась в Переяславле (например, осенью 1445 г. (см.: ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 264)). Не исключено, что Козьма мог быть взят ко двору в один из таких периодов. Не менее вероятно и то, что наш герой мог «водвориться с живущими в царских палатах» уже в Москве.

²⁴ Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века: очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 114.

²⁵ Сводку основных сведений о биографии Ивана III см.: Флоря Б. Н. Иоанн III Васильевич: (биография) // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 613–625. В последней работе, посвященной военной деятельности Ивана III, его участие в походах при жизни отца специально не рассматривается (см.: Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб., 2009).

(источником таких пассажей нередко выступали произведения переводной агиографии)²⁶. Обратим внимание на то, что носящее явно бытовой характер сообщение об обучении великого князя воинскому ремеслу (по-видимому, его источником послужил рассказ Кассиана) не имеет аналогов в памятниках русской средневековой житийной литературы (во всяком случае, в известных автору этих строк).

Инок Пафнутьев-Боровского монастыря

В определенный момент времени Козьма решил покинуть службу великому князю и удалиться в Пафнутьев-Боровский монастырь. В соответствии с литературным каноническим автор Жития этот поступок своего героя объясняет тем, что он «разсуди суете мира сего, и честь, и славы его, и позна, яко преходна суть, и в небытие преходить, и, яко дым, въскорѣ по воздуху исчезает». Постригший его Пафнутий, согласно Житию, «зело любя его за его смирение, и послушание, и за великия труды его»²⁷.

Очевидно, что уход Козьмы в боровскую обитель имел место не позднее 1 мая 1477 г. (смерти Пафнутия). Нижняя хронологическая граница этого события может быть установлена очень приблизительно. Определяя ее, отметим, что составленная боровским монахом Иннокентием вскоре после смерти Пафнутия «Записка» о его последних днях, упоминая наиболее видных старцев боровской обители²⁸, имени Кассиана не называет. Написанное в первой четверти XVI в., несомненно, знакомым с Кассианом Босым Вассианом (Саниным) Житие Пафнутия также в рассказе о «древних» (т. е. старших) учениках основателя боровской обители приводит лишь имена Иосифа Волоцкого, Иннокентия и Исая (их рассказы и послужили источниками Жития)²⁹. Также нельзя не заметить, что Житие самого Кассиана практически ничего не сообщает о боровском периоде его жизни (за исключением указания на его приход в монастырь и знакомство с Иосифом Волоцким). Все это дает основания полагать, что Козьма пришел в боровскую обитель, видимо, незадолго до смерти ее основателя — вероятно, в 70-е годы XV в. — и заметной роли в жизни монастыря, в котором в это время проживало 95 иноков, не играл (по-видимому, слова Жития о «любви» Пафнутия к Кассиану за его «великие труды» стоит отнести на счет общих мест в агиографической литературе). Если это действительно так, то можно думать, что Козьма служил Ивану III полтора-два десятилетия и принял постриг уже в зрелом возрасте — примерно в 30–38 лет.

Ввиду отсутствия соответствующих показаний источников трудно сказать точно, чем именно был вызван уход Козьмы, выходца из Переяславля, длительного времени служившего в Москве великому князю, в боровский монастырь, находившийся на территории удельного княжества. Вряд ли в этом шаге стоит искать политическую подоплеку — вероятнее всего, обитель Пафнутия была избрана в силу огромного духовного авторитета ее основателя, который не смогла поколебать даже его ссора с митрополитом Ионой. Известные источники сохранили сведения о пиетете, проявленном по отношению к Пафнутию Иваном III, его матерью княгиней Марией Ярославной, женой Софьей Палеолог, старшим сыном Иваном Ивановичем Молодым, а также

²⁶ См., например: Руди Т. Р. Средневековая агиографическая топика (Принцип imitatio и пролемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003 г.). М., 2002. С. 40–55; Ее же. «Imitatio angeli» (Проблемы типологии агиографической топика) // Русская литература. 2003. № 2. С. 48–59; Ее же. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРА. СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500; Колявская Е. Л. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале русской агиографии) // Ruthenica. 2004. № 3. С. 80–92; Юрганов А. Л. Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры. (Вып.) 1. М., 2007. С. 325–350; Усачев А. С. Об одном эпизоде из истории русско-болгарских культурных связей эпохи средневековья // Славяноведение. 2007. № 2. С. 32–35.

²⁷ Древнерусские патерики. С. 213.

²⁸ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Прил. С. 439–453.

²⁹ Кадлубовский А. П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 125.

удельными князьями и представителями прочих слоев³⁰. Далекое не случайное факт того, что в отличие от известий о смерти подавляющего большинства русских святых сообщение о кончине Пафнутия было включено в летопись³¹.

Не подлежит сомнению, что слава о боровском старце получила распространение далеко за пределами Боровского уезда. Достигла она и Переяславля — известны случаи, когда выходцы из него принимали постриг в Пафнутьевом монастыре. На это прямо указывает Житие Даниила Переяславского (р. ок. 1460 г.), составленное его учеником во многом по рассказам учителя. Оно сообщает о том, что «вниде ему (Даниилу. — А. У.) в слухъ (выделено нами. — А. У.) богоподражателное и равноаггелное житие и великия труды и чудотворения преподобнаго игумена Пахнотия, иже в Боровскѣ...»³². Именно эти рассказы о боровском подвижнике, согласно Житию Даниила, побудили его вместе с братом Герасимом направиться в обитель Пафнутия, которого им, однако, не удалось застать в живых (т. е. их приход в обитель следует датировать временем около 1477 г.). Несколько ранее постриг в Пафнутьевом монастыре принял Исая, вероятно, также переяславец, в будущем горицкий архимандрит, — Житие Даниила подчеркивает, что Исая «едино пострижение имѣ з Даниломъ»; Степенная книга, повествуя о его дальнейшей судьбе, сообщает, что он «старостью изнеможе, отъиде во свое пострижение, въ Пахнотиевъ манастырь» (после него горицким архимандритом стал Даниил)³³. Как видим, Козьма-Кассиан был не единственным переяславцем, принявшим постриг в боровской обители в период, близкий к смерти ее основателя. Вполне вероятно, Кассиан, прожив в Пафнутьевом монастыре примерно до 1480 г., мог познакомиться с Даниилом (в миру — Дмитрий, выходец из среды переяславских вотчинников³⁴, т. е. из того слоя, к которому, судя по всему, принадлежал и Козьма-Кассиан), пришедшим с братом в боровскую обитель вскоре после смерти Пафнутия в 1477 г.

Согласно Житию, уже при жизни Пафнутия Кассиан сблизился со своим сверстником Иосифом Волоцким (р. 1440 г.) («прилепился к нему духовною любовию о Христѣ»). Иосиф поведал Кассиану о своем замысле создать общежитийный монастырь; последний поддержал Иосифа в его стремлении, ответив: «Богъ и пречистыя Богородица твой помысль дѣлом совершить, и яз с тобою же»³⁵.

После смерти Пафнутия и кратковременного игуменства Иосифа (1477—1478 г.) Кассиан недолго оставался в боровской обители — он покинул ее около 1480 г. (на следующий год по основании Волоколамского монастыря в 1479 г.), перебравшись в Иосиф монастырь вместе с братьями Иосифа Вассианом и Акакием, двумя другими его родственниками Кассианом Молодым и Иларионом (возможно, они являлись племянниками Иосифа) и Герасимом Черным³⁶.

Соборный старец Волоколамского монастыря

В новой обители Кассиан прославился своими аскетическими подвигами. Как сообщает его Житие, он «возложи на себя пансыр, под свитку на наго тѣло... И егда же разсыпая пансыр, он же возложи на себя веригы тяшки зѣло, и тако тружаяся и постыся» (лишь когда

³⁰ См., например: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. Прил. С. 441—453; *Кадлубовский А. П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. С. 144—148; ПСРЛ. Т. 25. С. 310.

³¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 162; Т. 25. С. 309—310.

³² Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чудеса его. С. 9.

³³ Там же. С. 22; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 333.

³⁴ См.: *Горшкова В. В., Сукина Л. Б.* Даниил (Переяславский). С. 56—57.

³⁵ Древнерусские патерики. С. 214.

³⁶ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным: по двум рукописям Собрания П. А. Овчинникова / с предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. С. 31. Ср.: Житие и пребывание въ кратце преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламскаго // Великий Миней Четии. Сентябрь. Дни 1—13. СПб., 1868. Стб. 462.

Кассиан достиг 90-летнего возраста, вериги были заменены на «тяжки не потолику», которые старец носил до самой смерти)³⁷.

К числу других аскетических подвигов Кассиана относится его 12-дневное голодание, которое было прервано Иосифом Волоцким, запретившим «великимъ запрещениемъ» обессилевшему иноку (на время он даже потерял зрение) продолжать «тако чрез силу тружатися»³⁸.

Житие Кассиана также сообщает о том, что у него отнялись ноги и инок поправился лишь после молитвы Богородице. Выздоровев, инок дал обет более не обуваться и не надевать теплую одежду и «тако нача ходити, и до кончины живота своего... якоже лѣте, тако и зимѣ бысть, и во единой ризѣ хождаше» (отсюда и прозвище Кассиана)³⁹. Возможно, речь шла о том, что Кассиан не использовал сапог и иной теплой обуви. Так, согласно рассказу, помещенному в Степенной книге, старец «во вся бо дни жизни своеа хождаше обувень просто в сандалицы лычно, такоже и одежда ему проста, токмо едина власяница на свитке и мантиа»⁴⁰.

Агиографическая традиция связывает с именем Кассиана совершение, по меньшей мере, двух чудес при его жизни. Согласно Житию Иосифа, написанному Саввой Черным, в 1503 г. во время болезни сын волоколамского князя Бориса Иван Борисович Рузский был принесен в волоколамскую обитель. По молитве Иосифа и Кассиана (прочие иноки были удалены из кельи, где лежал Иван) уже умерший князь воскрес⁴¹. О втором чуде, совершенном по молитве Кассиана в последние годы его жизни, сообщает его Житие. Во время пожара в Волоколамском монастыре, когда огонь достиг монашеских келий, автор Жития «текох скоро к старцу Касиану, и падохъ пред нимъ, и начяхъ молити его со слезами, дабы помолился Господу Богу и пречистой его Богоматери». После молитвы Кассиана Богородице «начя пламянь вихромъ витися вверхъ, инаго ничего не повреди, и тако паки и погасе от собѣ»⁴².

Судя по всему, деятельность Кассиана в волоколамской обители не ограничивалась его аскетическими подвигами и совершением чудес. Есть основания полагать, что инок занимал особое положение среди волоколамской братии, во всяком случае в первой трети XVI в. На это указывает целый ряд обстоятельств.

В трех меновных и одной купчей 1507–1511 г., перечисляющих волоколамских иноков, Кассиан помещен на второе место (после Иосифа)⁴³. Видимо, свое положение Кассиан сохранил и после смерти Иосифа, последовавшей в 1515 г.: меновная 1516 г. упоминает Кассиана также на втором месте (после нового игумена Даниила, будущего митрополита)⁴⁴. После 1516 г. имя Кассиана исчезает из волоколамских актов. По-видимому, это было связано с тем, что, достигнув весьма преклонных лет (в 1516 г. ему было уже не менее 77 лет), Кассиан отошел от дел, связанных с хозяйственной деятельностью монастыря. В то же время, судя по всему, и позднее авторитет Кассиана в обители продолжал оставаться достаточно высоким. Так, в отписке митрополита Даниила о материалах слушаний по делу Максима Грека в 1525 г. в Волоколамский монастырь Кассиан среди его насельников снова помещен на второе место после игумена Ни-

³⁷ Древнерусские патерики. С. 214–215.

³⁸ Там же. С. 214.

³⁹ Там же. С. 215. Сходный рассказ содержит и Житие Иосифа Волоцкого анонимной редакции (см.: Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным: по двум рукописям Собрания П. А. Овчинникова. С. 31).

⁴⁰ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 317.

⁴¹ Житие и пребывание въкратце преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламскаго. Стб. 472.

⁴² Древнерусские патерики. С. 216–217.

⁴³ АФЗХ. М., 1956. Ч. 2. № 36–37, 39, 49. В документе № 37 Кассиан фигурирует с прозвищем «Старый», которое, по-видимому, не закрепилось в письменных источниках, повествующих о нем (появление этого прозвища, вероятно, было связано с тем, что, как уже отмечалось выше, среди первых насельников волоколамской обители был «сродник» Иосифа Кассиана Молодой). Документы № 39, 49 не содержат прозвища Кассиана, но характер упоминания однозначно указывает на него — во всех этих актах вслед за Кассианом следует имя его ученика Ионы Головы.

⁴⁴ АФЗХ. Ч. 2. № 72.

фонта (Кормилицына)⁴⁵ (и это несмотря на то, что источники не сохранили сведений об участии Кассиана в церковно-полюемической деятельности, которую активно вел Иосиф и близкие к нему лица в конце XV — первой трети XVI в.⁴⁶). Вероятно, особое положение Кассиана проявилось в том, что он играл ключевую роль в группе соборных старцев Волоколамского монастыря, которые в средневековой Руси наряду с игуменом активно участвовали в управлении монастырем⁴⁷.

Судя по данным сохранившихся источников, в начале XVI в. Кассиан (вместе со своим учеником Ионой Головой, также являвшимся соборным старцем) был самым близким к Иосифу лицом. Это могло обуславливаться тем, что к этому времени в Волоколамском монастыре Кассиан был единственным (наряду с самим Иосифом) из оставшихся в нем семи боровских постриженников — первых его насельников (в их число помимо Иосифа входили его братья Акакий и Вассиан, а также Кассиан Молодой и Иларион, Кассиан Босой и Герасим Черный). Вассиан, ставший сначала симоновским архимандритом (1502—1506 г.), а затем ростовским архиепископом (1506—1515 г.)⁴⁸, а также Герасим Черный, живший вне монастырских стен⁴⁹, покинули обитель; Акакий, Кассиан Молодой и Иларион, по-видимому, либо также ушли из монастыря, либо умерли (на это косвенно указывает отсутствие их упоминаний в волоколамских актах начала XVI в., а также в перечне лиц, которых Иосиф, согласно его посланию Василию III, считал наиболее достойными кандидатами на роль волоколамского игумена). Вероятно, этим в значительной степени и обуславливалось то, что Кассиан, единственный из оставшихся в Волоколамском монастыре его первых насельников, поддержавших Иосифа во время его конфликта с большинством боровских иноков, закончившегося уходом Иосифа и шести его сторонников из Пафнютьева монастыря, стал самым близким к волоколамскому игумену лицом, которому давались самые важные поручения.

Так, согласно Житию Иосифа, написанному Саввой Черным, во время конфликта игумена с волоколамским удельным князем Федором Борисовичем в 1507 г. Кассиан вместе с Ионой Головой был направлен к великому князю с просьбой перевести монастырь под великокняжеский патронат. Как известно, миссия удалась — просьба Иосифа была удовлетворена⁵⁰.

Кассиан, выполняя поручение Иосифа, также принимал участие и в урегулировании отношений между представителями династии московских князей. Житие Иосифа Волоцкого редакции Саввы сообщает о том, что Юрий Дмитровский во время конфликта с Василием III в 1510 г. прибыл в Иосифов монастырь за духовным советом к волоколамскому игумену. По его совету Юрий отправился вместе с ним к великому князю. Ввиду болезни волоколамский игумен не смог продолжить путь; вместе с дмитровским князем он послал своих доверенных лиц — Кассиана и его ученика Иону Голову. Важно отметить, что, согласно Житию Иосифа, удельный князь просил волоколамского игумена отправить с ним именно этих «старцев честных», которые,

⁴⁵ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Изд. подг. Н. Н. Покровский; под ред. С. О. Шмидта. М., 1971. С. 121.

⁴⁶ Об этом см., например: *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480—1510-х гг.

⁴⁷ В ряде монастырей (например, в Троице) влияние соборных старцев было даже выше власти игумена. Подробнее о роли этой категории иноков в жизни Волоколамского и других русских монастырей в эпоху Средневековья см.: *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). С. 112—122, 153—165; *Романенко Е. В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 99—103; *Сазонова Т. В.* Кирилло-Новозерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI—XVII вв. М.; СПб., 2011. С. 99—102.

⁴⁸ О нем см. подробнее: *Лурье Я. С.* Вассиан Санин // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 125—126; *Макарий (Веретенников)*. Вассиан II // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 262—263.

⁴⁹ О нем см.: *Дмитриева Р. П.* Герасим Черный // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 62—63; *Кузьмин А. В., Турилов А. А.* Герасим Черный // ПЭ. М., 2006. Т. 11. С. 184.

⁵⁰ Житие и пребывание въкратце преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламскаго. Стб. 477. Подробнее об этом событии см.: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 103—105.

как видим, не только были известны ему, но и пользовались у него авторитетом (возможно, на выбор дмитровского князя определенное влияние оказал успешный «дипломатический опыт» Кассиана и Ионы, за три года до этого сумевших добиться перевода Волоколамского монастыря под патронат великого князя). Во многом благодаря посредничеству Кассиана и Ионы конфликт великого князя с удельным был улажен⁵¹. В благодарность Юрий Иванович в июле 1510 г. пожаловал Волоколамскому монастырю село Белково в Рузском уезде, а также ряд привилегий⁵².

Факт близких отношений, которые связывали Иосифа и Кассиана, подтверждает и содержание послания Иосифа Василию III. В нем Иосиф, высказывая пожелание относительно своего преемника в качестве волоколамского игумена, Кассиана поместил на первое место среди тех лиц (соборных старцев), кто «пригож к тому делу» (вторым был назван Иона Голова)⁵³. Судя по всему, Иосиф именно Кассиана считал наиболее достойным кандидатом на игуменство. На особый пиетет волоколамского игумена по отношению к Кассиану указывает и Степенная книга. Ее составитель, по-видимому, опираясь на рассказы своих старших современников, сообщает, что «сам Иосифъ свидѣтельствоваше, яко благодать велию имяше отъ Бога» Кассиан⁵⁴ (известные письменные источники подобной информации не содержат). На особую близость Кассиана к Иосифу указывает и уже упомянутый выше рассказ об исцелении Ивана Рузского — в келье наедине с князем остались лишь Иосиф и Кассиан, удалившие прочих иноков. На первое место среди учеников Иосифа Кассиана помещают и более поздние источники (например, предисловие к сборнику второй половины XVI в. волоколамского игумена Евфимия Туркова⁵⁵).

Вероятно, важным фактором, обуславливающим авторитет Кассиана в стенах Волоколамского монастыря, были его ученики⁵⁶. Их известно, по меньшей мере, двое. Первым был уже упомянутый выше выходец из волоколамских вотчинников Иона Голова (Пушечников). До своего пострига он, согласно Житию Иосифа Волоцкого анонимной редакции, являлся воспитателем сыновей волоколамского князя Бориса Ивановича — Федора и Ивана⁵⁷. Судя по характеру упоминаний Ионы в уже приведенных выше волоколамских актах, а также отписке Даниила по поводу суда над Максимом Греком, он по своему авторитету занимал третье место среди волоколамских иноков (после игумена и своего учителя Кассиана Босого).

Вторым учеником Кассиана являлся известный волоколамский книжник первой половины — середины XVI в. Фотий (в миру — Федор) (ум. 1554 г.). Согласно Житию Фотия, напи-

⁵¹ Житие и пребывание въкратце преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламскаго. Стб. 485—488. Житие приводит строгую отповедь Кассиана Василию III, поначалу неласково встретившему посланцев волоколамского игумена. Под влиянием нравоучительных слов старца великий князь, согласно Житию, сменил гнев на милость и даже снял со своей головы «царский венец» в знак почтения к Иосифу и посланным им старцам (Стб. 487). Вряд ли можно настаивать на историчности этого рассказа, не подтверждаемого другими источниками, но обнаруживающего явную типологическую параллель к весьма распространенному в агиографической литературе сюжету «святой и правитель» (первому традиционно отводилась роль наставника второго, который, в конечном счете, прислушивался к нравоучительным речам).

⁵² АФЭХ. Ч. 2. № 46—48; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 130—131; *Его же*. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). С. 91—92.

⁵³ См.: Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 239. Данное известие сходным образом читается и в Житии Иосифа, написанном Саввой (см.: Житие и пребывание въкратце преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламскаго. Стб. 489).

⁵⁴ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 317.

⁵⁵ РНБ. ОСРК. Q.XVII.50. Цит. по: Послания Иосифа Волоцкого. С. 109.

⁵⁶ Как уже отмечалось в литературе, в жизни Волоколамского монастыря отношения учителей и их постриженников играли особую роль, сплачивая дополнительными узами братию этой обители. Это, в частности, проявлялось в том, что ученики очень часто создавали Жития своих учителей. Подробнее об этом см., например: Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). С. 112—119; Dykstra T. E. Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479—1607. P. 139—143.

⁵⁷ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. С. 29.

санному его учеником Вассианом Кошкой в середине XVI в., он происходил из Киева, судя по всему, из среды служилых людей («от благородных родителей»). Некоторое время он проживал в Путивле, находясь на службе у путивльского князя Богдана (Глинского) (одно время Федор являлся воспитателем его сына Владимира). После присоединения Путивля к России в 1500 г. и последовавшей за этим кратковременной службы великому князю московскому около 1509 г. он принял постриг в Волоколамском монастыре. В его стенах Фотий прожил 45 лет, выделяясь среди прочих иноков своим активным участием в книгописании. Также есть известия и о его учениках, игравших далеко не последнюю роль в управлении Русской церковью в первой половине — середине XVI в. Так, Вассиан Кошка в конце 40-х — 50-х годах XVI в. являлся архимандритом тверского Вотмицкого монастыря, Феодосий в 1531—1542 г. был хутынским игуменом, а в 1542—1551 г. новгородским архиепископом; учеником Фотия являлся и Исая (вероятно, Ртищев) — ближайший сподвижник первого казанского архиепископа Гурия⁵⁸.

Учитывая происхождение как Кассиана, так и Ионы Головы и Фотия, можно предполагать, что учителя и учеников сплавивали не только духовные интересы, но и общность их происхождения и жизни в миру, связанной с военной службой князьям.

Таким образом, как видим, особое положение соборного старца Кассиана в волоколамской обители, сравнимое лишь с положением игумена, было обусловлено не только его аскетическими подвигами и совершенными им чудесами, но и другими обстоятельствами: во-первых, личной близостью Кассиана к желавшему видеть его своим преемником Иосифу, поручавшему ему самые ответственные дела; во-вторых, с тем, что к началу XVI в. в стенах Волоколамского монастыря кроме Иосифа и Кассиана, скорее всего, более не осталось других первых его насельников, пришедших к Иосифу из боровской обители; в-третьих, активностью учеников Кассиана, игравших весьма заметную роль в жизни монастыря.

Судя по всему, рассказы о подвижнической жизни Кассиана и его близких отношениях с Иосифом не ограничивались стенами волоколамской обители. Так, как уже отмечалось выше, Юрий Дмитровский в 1510 г. просил отправить с ним на переговоры с Василием III именно Кассиана (а также его ученика Иону Голову), который ему был известен как «старец честный», способный, по крайней мере, отчасти заменить Иосифа и своим авторитетом повлиять на великого князя. Составитель Степенной книги, фиксирующей, по-видимому, устные рассказы о Кассиане, распространившиеся через четверть века после его кончины, характеризует его «яко бесплотна человека, аще и во плоти суща»⁵⁹. Этот же источник, как было отмечено выше, основываясь, вероятно, на рассказах лиц, знакомых с Иосифом Волоцким (в первую очередь, на рассказах Даниила Переяславского), сообщает о лестной оценке, данной Кассиану Иосифом⁶⁰. Вряд ли стоит сомневаться в том, что распространению рассказов о Кассиане уже при его жизни за пределами волоколамской обители способствовала активность ее иноков, которые, в первой половине XVI в. покидая ее стены, становились иноками и настоятелями монастырей, а также архиереями в различных регионах страны — в Москве, Коломне, Боровске, Новгороде, Твери⁶¹.

⁵⁸ О нем см.: Древнерусские патерики. С. 455; *Dykstra T. E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosif-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. P. 141–142. Прим. 272.

⁵⁹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 317.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Даниил занял всероссийскую кафедру (1522 г.), Акакий — тверскую (1522 г.), Вассиан (Топорков) — коломенскую (1525 г.); Герасим (Замыцкий) был поставлен симоновским архимандритом (1520 г.), Феодосий — хутынским игуменом (1531 г.). В первой трети XVI в. на некоторое время покидали пределы волоколамской обители и «рядовые» монахи — на протяжении ряда лет в Пафнутьевом и Симоновом монастырях проживали Досифей (Топорков) и ученик Кассиана Иона Голова (Пушечников); как показал Б. М. Клосс, волоколамские писцы привлекались к летописным работам, ведущимся при митрополичьей кафедре в 20-е годы XVI в. (см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 81–87). Выходцы из Волоколамского монастыря, в течение ряда лет проживавшие с Кассианом Босым (Нифонт (Кормилицын), Вассиан Кошка, Феодосий и др.), заметную роль играли в управлении Русской церковью и после его смерти — в 30–50-е годы XVI в.

Вероятно, наряду с рассказами о подвижнической жизни Кассиана, немалое значение для современников имело и редкое для эпохи Средневековья долголетие Кассиана. В конце XV — первые два десятилетия XVI в. ушли из жизни едва ли не все представители того поколения (по крайней мере, представляющие церковно-политическую элиту), к которому принадлежал Кассиан (включая и тех, кто был явно моложе его): Андрей Васильевич Большой (1493 г.), Борис Васильевич Волоцкий (1494 г.), митрополит Спиридон-Савва (начало XVI в.), Софья Палеолог (1503 г.), Иван III, новгородский владыка Геннадий (Гонзов) (1505 г.), Нил Сорский (1508 г.), митрополит Симон (Чиж) (1511 г.), Иосиф и Вассиан (Санины) (1515 г.) и др. Ушел из жизни и ряд представителей следующего поколения: сыновья Ивана III Иван Молодой (1490 г.), Семен (1518 г.) и Дмитрий Жилка (1521 г.), волоколамские князья — Иван (1504 г.) и Федор (1513 г.) Борисовичи и др. Вряд ли можно сомневаться в том, что к началу 30-х годов XVI в. в русской церковно-политической элите не осталось сверстников Кассиана, которые бы помнили Ивана III в отроческие годы.

В свете вышесказанного не стоит удивляться тому, что лица, игравшие наиболее заметную роль в жизни Церкви в первой трети XVI в., — митрополит Даниил, коломенский епископ Вассиан (Топорков) (оба родились, вероятно, в последней трети XV в.), новгородский архиепископ Макарий (р. ок. 1481/1482 г.), тверской епископ Акакий (р. 1482 г.), Даниил Переяславский (р. ок. 1460 г.), Вассиан Косой (р. ок. 1470 г.), Максим Грек (р. ок. 1470 г.), хутынский игумен, а затем новгородский владыка Феодосий (р. 1491 г.) — были на десятки (!) лет (на 20—50) моложе Кассиана (р. ок. 1439 г.). Важно отметить, что некоторые из них в течение определенного времени проживали вместе с Кассианом, в той или иной степени испытывая его влияние: возможно, Даниил Переяславский в Боровском монастыре; несомненно, будущие митрополит Даниил и епископы Вассиан (Топорков), Акакий и Феодосий — в Волоколамском. Очевидно, что для них и многих других их сверстников (не говоря уже о представителях следующих поколений), живших при весьма пожилом по средневековым меркам Василии III⁶², фигура Кассиана — долгожителя, подвижника и чудотворца, — помнившего его отца еще в пору его юности и принявшего постриг непосредственно от Пафнутия Боровского, уже при его жизни приобрела легендарный характер.

Последнее во многом было связано со скудостью сведений о Кассиане, которыми располагали его младшие современники. Так, даже, несомненно, знакомый с ним агиограф (его ученик Фотий или Вассиан Кошка), приступая к написанию Жития Кассиана, не смог назвать имен его родителей, ограничившись стандартной фразой об их «православии»⁶³. Единственным, что кроме места рождения Кассиана во второй четверти — середине XVI в. помнили о его жизни до пострижения, было то, что он происходил из Переяславля, служил Ивану III и учил его стрелять из лука — источниками прочих сведений послужили более поздние письменные памятники (Житие Иосифа Волоцкого и послание Нифонта (Кормилицына) Василию III). На значительную степень приблизительности сведений о Кассиане указывает и сообщение Степенной книги о его возрасте. По-видимому, опираясь на рассказ своего учителя — младшего современника Кассиана Даниила Переяславского, а также, возможно, на рассказы волоколамских иноков⁶⁴, книжник

⁶² Так, в средневековой Франции, судя по всему, старость наступала в промежутке от 50 до 60 лет (см.: *Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века: очерки демографической истории Франции*. С. 113). Согласно некоторым западноевропейским источникам, дожившие до своего 60-летия рыцари освобождались от обязательной службы, сохраняя при этом свой феодал (см.: *Луцицкая С. И. Историко-демографические данные иерусалимских ассиз // Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы: проблемы и исследования*. М., 1988. С. 150).

⁶³ Древнерусские патерики. С. 213.

⁶⁴ Судя по всему, составитель Степенной книги (благочестивый протопоп Андрей) в середине XVI в. поддерживал связи с Волоколамским монастырем. Подробнее об этом см.: *Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария*. С. 368—373.

сообщает, что к моменту крещения Ивана IV (т. е. к 1530 г.) волоколамский старец «старости же достиже яко лѣтъ 100» (очевидно, что «яко» в данном контексте имеет значение «около», «приблизительно»⁶⁵ — судя по всему, в данном случае речь идет о метафоре, подчеркивающей удивительное для современников долголетие нашего героя).

Не приходится сомневаться в том, что Кассиан в последние годы жизни уже был явно неспособен к активной деятельности. Так, составитель Степенной книги, основываясь на рассказах очевидцев, отмечает, что на крещение Ивана IV Кассиана «яко младенища привезоша, и быше поддержиимъ нѣкоими избранными двема иноки тоя же обители»⁶⁶. Данные других источников косвенно подтверждают эту информацию, давая основания предположить, что, по-видимому, в последние годы своей жизни Кассиан не выходил из кельи. Его Житие, созданное свидетелем описываемых событий (Фотием или Вассианом Кошкой), повествуя о приходе к Кассиану посланцев от Василия III в 1530 г., сообщает, что он к тому времени, находясь «въ велицей немощи и въ старости», по зову великого князя «скоро воста от постеля своя»⁶⁷ (очевидно, что агиограф опустил описание «бытовых» подробностей прихода старца в Троицу, которые содержатся в Степенной книге). Как уже упоминалось выше, достигнув 90-летнего возраста, Кассиан настолько ослаб, что волоколамские иноки, несмотря на его сопротивление, вынуждены были снять с него вериги и заменить их на менее «тяжкие».

Кассиан и Василий III

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют полагать, что независимо от состояния здоровья Кассиана его авторитет и в последние годы жизни продолжал оставаться очень высоким, в том числе и за пределами монастыря. Вряд ли можно сомневаться в том, что о Кассиане были слышаны при великокняжеском дворе. Это могло обуславливаться близостью к Василию III «иосифлян», часть которых в 20-е годы XVI в. уже проживала в столице (митрополит Даниил и, по-видимому, некоторые лица из его окружения, а также симоновский архимандрит Герасим (Замыцкий), иноки Досифей (Топорков) и Иона Голова). Помимо вкладов великого князя в Иосифов монастырь, поставлений выходцев из него на владычные кафедры, на весьма заметное положение этих лиц при дворе указывает и то, что митрополит Даниил и волоколамские монахи (наряду с троицкими), «отослав» стряпчих великого князя, играли ключевую роль в организации похорон Василия III, перед смертью посетившего именно эту обитель⁶⁸.

Не приходится сомневаться и в факте личного знакомства великого князя с Кассианом — как мы помним, он, по крайней мере, дважды (в 1507 и 1510 г.) направлялся к нему с поручениями Иосифа Волоцкого. На вопрос о личном отношении Василия III к Кассиану проливают свет его послания волоколамским старцам. Так, сразу же после рождения так долго ожидаемого наследника 25 августа великий князь направил с находившимся в Москве волоколамским старцем Тихоном (Зворыкиным) игумену Волоколамского монастыря Нифонту (Кормилицыну) послание с просьбой уговорить Кассиана («говорить и бить челом» от имени великого князя) принять участие в крещении его сына. Письмо аналогичного содержания было послано также вместе со Зворыкиным и волоколамскому старцу Тихону (Ленкову), которого государь также просил «молить» Кассиана принять участие в этом «великом деле» (последнее письмо датировано 25 августа, т. е. оно было написано (дописано?) в тот же день, когда родился Иван)⁶⁹.

⁶⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1652.

⁶⁶ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 317.

⁶⁷ Древнерусские патерики. С. 215.

⁶⁸ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 274–276.

⁶⁹ Зимин А. А. Переписка старцев Иосифо-Волоколамского монастыря с Василием III // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 132–133.

Направление в Волоколамский монастырь сразу двух писем могло обуславливаться лишь очень сильным стремлением великого князя видеть восприемником своего первенца именно Кассиана. Возможно, Василий III полагал, что убедить отправиться в Троицу пребывающего «въ велицей немощи и въ старости» старца будет непросто. Принимая во внимание сомнительность того, что решение вопроса о крестителях сына Василия III было принято непосредственно в день его рождения (Тихон (Зворыкин) с посланиями великого князя был отправлен в Волоколамский монастырь именно 25 августа), можно полагать, что, судя по всему, восприемника от купели своему сыну Василий III избрал еще до его рождения. Не исключено, что именно с этим и было связано пребывание в Москве Тихона, который, возможно, должен был сразу после рождения наследника отправиться в Волоколамскую обитель за Кассианом.

Очевидно, что выбор великого князя мог быть обусловлен лишь огромным авторитетом Кассиана в Волоколамском монастыре и за его пределами, а также пиететом, который Василий III испытывал по отношению к нему. На это указывает и содержание, по меньшей мере, двух известных посланий, адресованных великим князем лично Кассиану, написанных уже после крещения сына (ок. 1531 г.). В них государь «бил челом» своему «куму» и «господину» (!) молиться за здоровье членов великокняжеской семьи⁷⁰. Вряд ли стоит сомневаться в том, что подобное обращение, использование которого Василием III по отношению к другим лицам нам зафиксировать не удалось, может свидетельствовать лишь об огромном почтении великого князя к соборному старцу.

Об этом же свидетельствует и не имеющее аналогов в русской средневековой истории повеление Василия III волоколамским инокам составить и прислать письменный отчет о том, как «старца Касьяна в животе не стало». Так, в обитель вскоре после смерти Кассиана, умершего 11 февраля, было направлено два письма — сохранившееся послание Тихону (Ленкову) (оно датируется 4 марта), где великий князь повелел прислать ему крест, в котором его «кум» принял схиму (его судьба неизвестна)⁷¹, а также недошедшее письмо волоколамскому игумену Нифонту (Кормилицыну). Не позднее конца октября 1532 г. (в письме, упоминая членов великокняжеской семьи — Василия III, его сына Ивана и Елену Глинскую, Нифонт не называет Юрия, родившегося 30 октября) волоколамский игумен составил и отправил великому князю подробный рассказ о последних днях жизни и кончине Кассиана (в середине XVI в. он послужил источником соответствующего фрагмента Жития)⁷². Очевидно, что пиетет, проявленный великим князем по отношению к своему «куму» и его памяти⁷³, мог обуславливаться лишь огромным авторитетом Кассиана на рубеже 20–30-х годов XVI в. (во всяком случае, в окружении Васи-

⁷⁰ Там же. С. 133–134.

⁷¹ Там же. С. 134–135. Возможно, интерес Василия III к кресту Кассиана мог обуславливаться тем, что этот крест был с ним во время крещения наследника престола и великий князь стремился получить эту семейную реликвию.

⁷² См.: Послание Волоколамского монастыря игумена Нифонта великому князю Василию Иоанновичу о смерти старца Кассиана Босого // Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической экспедицией Академии наук. СПб., 1846. Т. 1. № 218. Ср.: Древнерусские патерики. С. 217. Текст ответного послания Нифонта (Кормилицына) Василию III (очевидно, список отправленного послания) сохранился в составе одного из сборников волоколамского игумена (см.: РНБ. ОСРК. Q.XVII.64).

⁷³ Вкладная книга Волоколамского монастыря не содержит упоминания о вкладыях, сделанных Василием III по душе Кассиана Босого. Вряд ли только на этом основании можно сомневаться в их существовании: как было установлено в литературе, вкладные книги Волоколамского монастыря появились лишь в 50-е годы XVI в. и, соответственно, более ранние вклады не фиксируют (см. об этом: Зимин А. А. Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в. С. 77–78). В любом случае сын Василия III Иван IV в 1563/1564 г. «учинилъ память по отце своемъ крестномъ по старце по Касьяне по Босомъ и велѣлъ по немъ кормити кормъ на всякъ годъ на его представление мѣсяца февраля 11, а деньги на кормъ имати на всякъ годъ по семи рублевъ изо государевы казны» (см.: Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Императорского Русского Археологического общества И. А. Вахромееву. М., 1906. Т. 5. Прил. С. 44, № 186).

лия III, в котором немалую роль играли выходцы из Волоколамского монастыря). Вероятно, с этим и стоит связывать выбор Кассиана в восприемники так долго ожидаемому наследнику престола. По-видимому, авторитет Кассиана в глазах великого князя имел гораздо большее значение, нежели более чем скромное «формальное» место в церковной иерархии соборного старца⁷⁴.

Подводя итоги, зафиксируем, что, судя по всему, судьба Кассиана была уникальна для средневековой Руси. Есть основания полагать, что тот почет, которым он был окружен в начале 30-х годов XVI в., был вызван не только его аскетическими подвигами и чудесами, которыми были прославлены и некоторые его современники (например, Антоний Сийский, Александр Свирский и Даниил Переяславский), но и фактами светской части его биографии. Вероятно, при весьма пожилom по средневековым меркам Василии III в живых осталось уже не так много лиц, служивших его отцу, а тех, кто помнил Ивана III, прожившего более чем кто бы то ни было из московских князей, еще в пору его юности, по-видимому, вообще не осталось. Этим, видимо, и было обусловлено то, что Кассиан, младший современник Василия II и Пафнутия Боровского, стал легендой уже при жизни: одни, точно не зная его возраст, именовали его столетним старцем, другие, нисколько не сомневаясь в его чудотворных способностях, адресовали ему просьбы своими молитвами остановить пожар; в своих личных письмах именно его великий князь просил молиться за членов своей семьи. Вряд ли в России в 1530 г. можно было найти более подходящее лицо для крещения так долго ожидаемого наследника: внука крестил современник его родившегося 90 годами ранее деда, учивший его еще в отроческие годы воинскому ремеслу.

⁷⁴ Дополнительным, правда, косвенным аргументом в пользу близких отношений Кассиана с великим князем является место его погребения — Новый придел Успенского собора Волоколамского монастыря. В ходе реконструкции некрополя этой обители С. Э. Чернов выяснил, что в Новом приделе были погребены лица, близкие к великокняжескому двору (в отличие от Старого придела, в котором были захоронены те, кто был связан с удельными дворами) (см.: Чернов С. Э. Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г. Старый и Новый приделы // Преподобный Иосиф и его обитель. Мат. науч.-практич. конф., посвященной пятилетию обретения святых мощей преп. Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма — Успенского собора — и 80-летию со дня рождения митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М., 2008. С. 296—308 (о месте погребения Кассиана — С. 300—301)).